

*Эта книга для Ди Джея Куоллса.
Повеселимся!*

Клэй Фуллер бежал по темному лесу, выставив руки перед собой, чтобы защитить лицо. Ветки больно, до крови хлестали его по голым предплечьям, но ему было плевать. Клэй был слишком сосредоточен на том, чтобы пережить следующие несколько минут.

Удары сердца громом отзывались в ушах. Кроме них он слышал лишь шелест листьев, когда огибал стволы деревьев и старался не запутаться в мелком кустарнике. Если он споткнется и упадет, ему конец. Но если он задержится хоть на мгновение, ему, опять же, крышка.

«Что так, что эдак — один черт», — подумал он. Мысль не утешала нисколько.

Было только начало ноября, но в Индиане ночной воздух казался по-зимнему холодным. Кроны деревьев образовали полог, закрывающий лунный свет. Клэя трясло, но он не знал, от холода, от ужаса ли, или и от того и от другого разом. А еще он не представлял, куда вообще бежит. Вполне возможно, *глубже* в лес, и если это так, то ему точно крышка.

Клэй побежал дальше, но адреналин схлынул, и теперь ноги казались тяжелыми железными гирями. Каждый шаг давался с трудом. Несмотря на

всю решимость не делать этого, он начал замедляться.

«Нет! — подумал он. — Нет, нет, нет, нет!»

Клэй не слышал преследователей, но чувствовал их. Затылок покалывало, будто кто-то наблюдал за ним. Краем глаза он замечал какое-то движение по сторонам. Но, стоило ему обернуться, кругом никого не было.

Тут Клэй понял, что бежать уже легче. Деревьев стало меньше, и росли они дальше друг от друга, а кустарник поредел. Клэй приближался к опушке леса. Облегчение было настолько велико, что он едва не упал на колени, но потом поднажал, больше не чувствуя усталости. Он приободрился, и тело теперь казалось легким, как воздух. Он справится! Все, что нужно сделать, — выбраться из леса, и все. Он будет свободен и, что еще важнее, жив.

Начался подъем, и Клэй разглядел краешек черного асфальта, выстилающего гребень холма. Дорога. Он понятия не имел, какая именно, но это было не важно. Главное, выбраться из леса. Он будет в безопасности — нужно только добежать до дороги и пойти куда глаза глядят — пусть. Рано или поздно кто-нибудь все же проедет мимо.

Клэй был на полпути к вершине холма, когда на него напали. Краем глаза он уловил темное движущееся пятно, а затем почувствовал сильный удар в левое плечо. Он пошатнулся, но сумел удержаться на ногах. Мгновение спустя накатила боль, мучительная и жгучая. С шипением втянув воздух через стиснутые зубы, Клэй бросил быстрый взгляд на плечо и увидел, что ткань рубашки повисла клоушьями, а из нескольких глубоких порезов льется кровь. И никаких признаков существа, которое зацепило его. Оно будто исчезло, но Клэй знал, что тварь

все еще здесь, вместе с другими. Они могли сбить его с ног в любой момент, так почему же...

И тут он понял. Они играют с ним.

Ужас вызвал новую волну адреналина. Клэй с мрачной решимостью бросился вверх по холму. Это был его последний шанс. На этот раз он ничего не увидел, но почувствовал удар в правую икру, и нога подломилась. Клэй тяжело рухнул на землю — удар выбил воздух из легких. Икру окатило огнем. Он не хотел знать, что стало с ногой. Хотя и так было понятно, насколько серьезна рана, учитывая сколько крови уже стекло в кроссовок. Рана будет глубокой — располосованная кожа, обнаженные порванные мышцы.

Прилив энергии схлынул так же быстро, как накатил, оставив после себя слабость и дрожь. Больше всего на свете Клэю хотелось закрыть глаза и отдохнуть. Но если он закроет глаза, то никогда больше не откроет их. Клэй стиснул зубы и пополз. Он почти добрался до дороги, когда услышал рычание. Сначала тихое, но звук быстро нарастал. Он доносился с разных сторон — справа, слева, сзади — и Клэй понял, что охота окончена.

И тут он наконец увидел своих преследователей. Их было трое: двое мужчин и женщина. На первый взгляд они казались людьми, но затем Клэй разглядел клыки, изогнутые когти и звериные глаза — глаза, горящие яростью и предвкушением.

Они являли собой жуткую смесь человеческого и животного. Незнакомцы стояли на двух ногах, но горбились, тянули шеи и раздували ноздри, нюхая воздух. Их когтистые пальцы подрагивали, челюсти готовы были сомкнуться на жертве.

Клей не считал себя религиозным. Он никогда не задумывался о том, что может лежать за пределами

земной жизни (если там вообще что-то есть). Он полагал, что если и существует какая-то загробная жизнь, то он узнает об этом после смерти. Но теперь, глядя на монстров, из оскаленных пастей которых капала пенящаяся слюна, он надеялся, что после смерти не будет никакой жизни. Ведь если существуют Рай и Ад, он хорошо представлял, где именно окажется.

Три чудовища бросились на него. Он закричал, и его крик разнесся далеко по округе.

* * *

Амос Бойд катил по Брюэр-роуд в своем громадном пикапе, на дверях которого красовались надпись «Мастер Бойд» и улыбающаяся мультяшная рыба в бейсболке, вооруженная гаечным ключом. Амос был тощим мужчиной лет шестидесяти — три года назад он овдовел — и большую часть времени проводил за работой. Работа отвлекала от мыслей о том, как сильно он скучает по своей Эмили. И, если уж быть совсем откровенным, он брался за труд разнорабочего и всевозможные подработки в основном для того, чтобы было с кем поговорить. В его маленьком домике на окраине Бридж-Вэлли порой бывало одиноко.

Амос только что поужинал в закусочной «У Бидди» и направлялся в соседний городок Крэдок, чтобы установить клиенту новую раковину. Он был не против работать допоздна. Ему нравилось занимать себя, и, если уж на то пошло, что еще, черт побери, ему оставалось делать?

Вместо того чтобы ехать по шоссе, Амос выбрал Брюэр-роуд. Дорога бежала через обширный участок леса, и он выбирал этот маршрут при любой возмож-

ности, особенно осенью, когда листва превращалась в буйство оранжевых, красных и коричневых красок. Он ехал, чуть опустив стекло и наслаждаясь прохладным вечерним ветерком. Эмили любила бывать на свежем воздухе. Он всегда чувствовал ее присутствие, когда проезжал здесь, как будто она сидела на сиденье рядом, улыбаясь красотам вокруг.

Амос думал о жене и надеялся, что, где бы она сейчас ни находилась, она тоже думает о нем, когда из леса вылетел мужчина и рухнул на дорогу перед ним. Амос ударил по тормозам и вцепился в руль.

— Какого черта?

Он даже не заметил, что сказал это вслух. Он был взбудоражен, изумлен и шокирован и не мог ясно мыслить. Он не сразу задался вопросом, почему этот человек вылетел из леса, словно его выпустили из катапульти. Не удивился он и тому, что мужчина не вскочил, а остался лежать на спине, глядя в небо широко распахнутыми глазами, открывая и закрывая рот, будто пытался что-то сказать, но не мог выдать ни слова. Но Амос все же заметил, что одежда на незнакомце разорвана в клочья, а сам он заляпан с головы до ног какой-то густой красной краской. Правда, он понятия не имел, где мужчина нашел столько краски в лесу, не говоря уже о том, как ею перепачкался.

А потом мозг заработал, и Амос сообразил, что смотрит на тяжело раненного человека, который выпрыгнул — нет, которого вышвырнули — из леса на дорогу. Он уже собирался набрать 911, когда из-за деревьев выскочили три фигуры.

Они двигались проворно и грациозно, и поначалу Амос решил, что это какие-то крупные животные: волки или пумы. Но когда все трое собрались вокруг распростертого на дороге человека под светом

фар, он увидел, что это люди. Вроде как. С их клыков и длинных когтей капала кровь — этого самого человека, без сомнения, — и они походили на зверей, готовых броситься на жертву. Они пристально смотрели на Амоса, сверкая дикими глазами и скалясь. Потом они низко, гортанно зарычали, словно угрожая и предупреждая.

Это наша добыча. Не подходи.

Амос бросил телефон на соседнее сиденье, открыл бардачок и достал револьвер «Смит-Вессон». Открыв дверцу со стороны водителя, он вылез, чтобы лучше прицелиться. Подойдя к бамперу автомобиля, Амос поднял оружие.

— Прочь от него, черт побери!

Рот и горло пересохли. Слова прозвучали скорее хриплым карканьем, чем приказом, но, поскольку пушка тут была у него, Амос решил, что это не так уж важно.

Трое психов продолжали рычать, но если мужчины не двинулись с места, то женщина направилась к нему. Она даже не шла, а кралась, двигаясь с плавной грацией животного. Амос собирался предупредить ее, чтобы она держалась подальше, или он будет стрелять, но затем увидел ее клыки и когти — на этот раз рассмотрел *как следует* — и ее нечеловеческие, голодные глаза, взгляд которых впился в него.

Не раздумывая, Амос быстро выстрелил трижды — в плечо, в живот и в грудь. Женщина тихонько охала всякий раз, когда пуля попадала в нее, но, хотя из всех ран потекла кровь, ее было не так много, как должно было.

Женщина растянула губы в мерзкой звериной улыбке и издала фыркающий собачий звук. Амос понял, что она смеется. Она все приближалась, но

тут один из мужчин зарычал, и женщина остановилась. Она скрежетала острыми зубами, сжимала и разжимала пальцы, щелкая когтями, как будто ей требовалась вся сила воли, чтобы не разорвать ему глотку.

Они стояли так еще некоторое время — женщина рычала, Амос целился в нее из пистолета, — а затем он выстрелил еще раз и промазал. С невероятной скоростью женщина развернулась и помчалась обратно к спутникам. Она вонзила когтистую руку в грудь раненого, отчего тот вскрикнул в последний раз, — и вырвала все еще бьющееся сердце. Из дыры в груди забил фонтан крови. После этого троица исчезла в лесу, бросив дрожащего Амоса стоять на дороге с поднятым пистолетом. Свежий труп лежал всего в нескольких метрах от него.

— Чувак, я до сих пор поверить не могу, что кокнул Гитлера!

Сэм быстро оглядел небольшую закусочную, проверяя, не услышал ли кто-нибудь Дина. В зале сидели еще шесть человек — мать с двумя маленькими детьми, пара лет семидесяти и водитель доставки в коричневой униформе, но только мать покосилась в их сторону. Сэм робко улыбнулся ей и пожал плечами. Она нахмурилась и отвернулась.

— Давай потише, — напомнил Сэм брату, но Дин только широко улыбнулся, все еще взбудораженный только что законченным делом. Или, может быть, ломтем пирога, лежащим перед ним: нечто под названием «Восторг Раззлберри», многослойный десерт с фруктовой начинкой, украшенный сливками, который выглядел как худший кошмар диабетика. Другие посетители тоже ели пироги всех мастей, от традиционно любимых, таких как яблочный или кокосовый с кремом, до более... занятных творений, вроде засахаренного бекона и перца халапеньо или сахарной ваты и тянучки. В заведении «Улетные Пироги» подавали, пожалуй, лучшие пироги на тысячи километров — по крайней мере, так гласила его реклама. Сэм выбрал более безобидный вариант —

с орехами pekan — и вынужден был признать, что пирог оказался отменным. Возможно, ничего лучше он раньше не ел. Все посетители, похоже, наслаждались десертами, особенно Дин, который жевал уже второй кусок того, что Сэм называл смертью, замаскированной под пирог.

После того, как братья разобрались с обществом Туле в Колумбусе, Дин настоял на том, чтобы отпраздновать победу над нацистскими некромантами в «Улетных Пирогах». Сэм сначала не хотел сюда идти, но теперь был рад, что они здесь — хотя бы потому, что было приятно заняться чем-то обычным после последнего дела.

Некоторое время они ели молча. Дин отправил в рот остатки «Восторга Раззлберри», зажмурился и вздохнул.

— Итак, каков вердикт? — спросил Сэм.

От его порции осталось несколько кусочков, но Сэм не думал, что сможет доесть их. Впрочем, в таком случае ими займется брат.

Не открывая глаз, Дин поднял палец. Дожевая, проглотил, затем открыл глаза и улыбнулся.

— Лучший. Пирог. В мире.

— Лучше, чем «У Биггерсона»?

Дин перестал улыбаться и задумался.

— Сложный вопрос. — После недолгих размышлений он решил: — «Улетные Пироги» лучше, — после чего посмотрел на недоеденный ореховый пирог и, не спрашивая разрешения, принялся за него.

Сэм улыбнулся. Их жизнь была беспокойной, а то и совершенно безумной, и именно такие мелочи, как любовь Дина к пирогам, помогали в некоторой степени уравновесить это безумие. Крупица нормальности, но именно оттого утешительная, она и успокаивала, особенно после последнего дела. Было